

Г.В. Чочиев

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ ЕВРАЗИЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ НА ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЛОЙ АЗИИ

Г.В. Чочиев*

Аннотация. В статье рассматриваются основные сферы и формы влияния евразийских степных кочевников на древние государства и общества Малой Азии. Вторжения и миграции кочевников в регион в VIII–VI вв. до н. э. наложили заметный отпечаток на политическую и военную историю местных цивилизаций и способствовали определенной эволюции их социальных и экономических институтов и обогащению культуры и искусства. Несмотря на скудость имеющихся письменных источников, достижения археологии региона последних лет позволяют расширить представления о характере и масштабах данного взаимодействия.

Ключевые слова: Малая Азия, древние цивилизации, кочевники, миграция, социальное и культурное влияние.

В последние десятилетия увидел свет ряд работ отечественных, западных и турецких ученых, посвященных проблеме миграций древних евразийских степных кочевников – киммерийцев и скифов – в Переднюю и в том числе Малую Азию (Анатолию) [2; 3; 4; 15; 18; 22]. Внимание авторов этих исследований, вводящих в научный оборот новые ценные данные и предлагающих уточненные подходы к известным фактам, концентрируется прежде всего на причинах (предыстории), хронологии и маршрутах указанных передвижений, а также участии переселенцев в перипетиях местной военно-политической жизни. Сравнительно меньший интерес при этом привлекают вопросы социального и особенно культурного воздействия кочевников на сложившиеся в регионе задолго до их вторжений государства и общества. В настоящей статье предпринимается попытка выявить и охарактеризовать некоторые формы и сферы влияния пришлого кочевнического элемента на основные малоазийские цивилизации железного века.

Как известно, зародившееся примерно на рубеже II–I тыс. до н. э. во Внутренней Азии миграционное движение ираноязычных скифо-сакских племен на запад в VIII в. до н. э. привело их в Северном Причерноморье к столкновению с близкими по культуре и, возможно, языку киммерийцами, дав толчок отступлению последних в южном направлении. Согласно восходящей к Геродоту традиции, вскоре киммерийцы и следовавшие за ними группы скифов достигли через кавказские проходы Передней Азии [1, с. 190; 18, с. 83] и в дальнейшем сыграли немаловажную роль в исторических судьбах проживавших на этом географическом пространстве народов. Не был в этом отношении исключением и Анатолийский полуостров. Кочевническая культура киммерийцев и скифов, достоверно присутствовавших в Малой Азии с середины VIII до VI в. до н. э., распространилась на значительной части региона и оставила заметные следы в зонах их политической и военной активности [2; 3; 4; 15].

Характерные для евразийских кочевников военные приемы и технологии, предметы искусства, элементы вооружения и прочие находки археологов последних лет, несомненно, могут рассматриваться как материальные памятники культуры упомянутых кочевников на территории Малой Азии. Вместе с тем следует иметь в виду, что обнаруженные на сегодняшний день в результате раскопок свидетельства пребывания киммерийцев и скифов в регионе относительно немногочисленны, а их датировка и происхождение зачастую являются дискуссионными [5, с. 58; 10, с. 285–286]. При этом вследствие культурной близости двух народов точное установление принадлежности артефактов тому или иному из них не представляется во многих случаях возможным, что делает оправданным употребление в подобных ситуациях (в том числе в рамках настоящей статьи) недифференцированных терминов «кочевники», «кочевническое искусство» и т. п. вместо названий конкретных этносов.

Очевидно, что наиболее информативными источниками для понимания социально-политической ситуации в Малой Азии рассматриваемого времени являются письменные памятники. Однако они содержат лишь разрозненные сведения о взаимоотношениях киммерийских и скифских кочевников с малоазийскими государствами и правителями, к тому же значительная часть этих сообщений не может считаться достаточно надежной [см., напр., 13, с. 497]. Поскольку киммерийцы и скифы в силу их образа жизни не создали собственной письменной культуры, основным источником знаний об их активности в Малой Азии выступают документы местных цивилизаций, с которыми они вступали в контакты. Это в первую очередь ассирийские, урартские и в меньшей мере греческие и латинские тексты.

Этнополитическая карта Малой Азии VIII–VI вв. до н. э. являла собой весьма пеструю и разнородную картину, на которой выделялись урарты на востоке вокруг озера Ван, позднехеттские общества на юго-востоке, фригийцы во внутренних частях реги-

* Чочиев Георгий Витальевич – к. и. н., с. н. с. НИО «Центр скифо-аланских исследований» ВНИЦ РАН (georg-choch@yandex.ru).

она, лидийцы на западе и, наконец, греческие полисы вдоль эгейского побережья. Перечисленными народами были выработаны собственные формы государственности, соответствовавшие природным и социальным условиям территорий их проживания и отличавшиеся друг от друга по структуре и характеру. Естественно, реакция этих формирований на киммерийско-скифские миграции также не была одинаковой.

ВЛИЯНИЕ КОЧЕВНИКОВ НА УРАРТСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Первой малоазийской цивилизацией, с которой вошли в соприкосновение и киммерийцы, и скифы в ходе своих миграций, было государство Урарту – политическое образование, возникшее в IX в. до н. э. в результате объединения племен бассейна озера Ван против их общего врага – Ассирии. С целью защиты своих богатых экономических ресурсов (месторождений металлов, сельскохозяйственных угодий и т. д.) и предотвращения проникновения ассирийцев к столице государства – Тушпе – урартами были возведены многочисленные оборонительные крепости в стратегически важных пунктах. Во время нападений с юга длительная осада этих цитаделей обеспечивала потерю времени и сил противником, затрудняя ему даже в случае падения отдельных крепостей продвижение в центральные области государства на восточном берегу Вана [23]. Эта сеть укреплений, созданная урартами для борьбы против своего могущественного соседа, с началом передвижений в регионе киммерийцев и скифов стала подвергаться все большему давлению [6, с. 91, 98–99; 23].

Как следует из ассирийских письменных источников, к 715 г. до н. э. атаки кочевников уже наносили урартскому государству ощутимый ущерб [4, с. 54–55; 20, с. 95]. Несмотря на то, что первоначально цари Урарту попытались разгромить пришельцев военным путем, понесенные поражения очень скоро продемонстрировали им неэффективность этого метода.

В период правления Русы II (685–645) Урарту сменило свою политику по отношению к кочевым народам на гораздо более миролюбивую. Так, кочевникам было позволено селиться на границах Урарту, благодаря чему удалось создать буферные зоны для защиты от новых волн номадов на севере и от Ассирии на юге. Более того, поселенные на южной границе кочевники регулярно тревожили своими набегами ассирийское государство, со временем способствовав его ослаблению. Одновременно некоторым группам кочевников был разрешен проход во внутренние области Малой Азии при условии непринятия вреда урартским городам и селам. Тем не менее очевидно, что Руса II никогда не доверял в полной мере номадам. Об этом свидетельствуют такие его меры, как развитие оборонительной системы путем восстановления старых

крепостей, строительство новых укреплений в районах размещения кочевников и перенос столицы в расположенный в более удобном для обороны месте город Русахинили [8, с. 103].

Характерные для кочевнической культуры предметы искусства и вооружения, обнаруженные во многих урартских центрах, наводят на мысль о том, что кочевники привлекались урартами на службу в качестве наемных воинов [21, с. 81]. Можно предположить, что расходы на содержание таких наемников, строительство и ремонт крепостей для обороны границ от потока номадов и сооружение аграрных систем (дамб, каналов и т. п.) для обеспечения нужд населения этих крепостей ложилось немалым бременем на экономику Урарту. С другой стороны, возведение новых крепостей делало неизбежным расширение пределов государства, что в свою очередь влекло за собой появление значительного числа удаленных от центра локальных административных образований, подолгу остававшихся, особенно в зимний период, без какой-либо связи и поддержки. Потребности этих новых поселений в постоянных жителях урартские цари пытались удовлетворять не только за счет пленных, но и членов кочевых племен [9, с. 316–317].

Однако начатая Русой II политика умиротворения кочевников не могла остановить непрерывные скифские миграции и вторжения с севера. Более того, заключение частью вновь прибывших племен соглашения с Ассирией даже приумножило число врагов урартов. Хотя время и обстоятельство гибели этого государства точно не известны, выявленные почти во всех урартских крепостях слои разрушений середины VII в. до н. э. [21, с. 87–91] ясно указывают на то, что Урарту столкнулось с катастрофой, после которой уже не смогло обрести прежнюю мощь. Несмотря на то, что роль кочевников в этой катастрофе не очевидна, с достаточной степенью уверенности можно предполагать, что их активность была одним из основных факторов, препятствовавших последующему возрождению страны.

Таким образом, урартское государство, сформировавшееся как противостоящая Ассирии политическая организация, успешно справилось с задачей создания оборонительных и транспортных систем и мобилизации экономических ресурсов, необходимых для сдерживания натиска тяжеловооруженных войск своего южного соседа. Однако стремительные грабительские набеги северных кочевников, по всей видимости, за короткое время привели урартскую систему укреплений в неэффективное состояние. Весьма вероятно также, что эти нападения периодически подрывали связи между центром и отдаленными районами Урарту, ранее расширившего свои границы как раз в силу проведения политики мира с кочевыми народами. Проистекавшие же из географической протяженности урартских владений политические и экономические трудности способствовали все большему ослаблению центральной власти в стране.

ВЛИЯНИЕ КОЧЕВНИКОВ НА ПОЗДНЕХЕТТСКИЕ ГОСУДАРСТВА

После распада Хеттской империи, в конце II тыс. до н. э., на юге Малой Азии и в прилегающих районах Сирии вышли на авансцену локальные царства с преимущественно лувийским и арамейским по языку населением, которые в силу продолжения ими, прежде всего в сфере искусства, хеттской традиции именуется поздне- или неохеттскими. В число этих образований, имевших в условиях нестабильной политической обстановки малоазиатского железного века весьма изменчивые границы, входят Табал, Хилакку, Куэ, Камману, Гургум, Кархемиш, Куммух и др. Зажатые между Ассирией на юге, Урарту на севере, Фригией на западе и Урарту и Ассирией на востоке, позднехеттские царства на протяжении длительного времени поддерживали свое существование посредством войн и альянсов то как независимые государства, то как вассалы Ассирии [12].

Появление на данной территории кочевых народов явилось значимым фактором, способствовавшим оформлению между поздними хеттами и ассирийцами отношений, основанных на балансе сил. В частности, суверенитет Ассирии над поздними хеттами, установленный в результате восьмого похода Саргона II в 714 г. до н. э., вскоре оказался под угрозой из-за дестабилизации обстановки в регионе кочевниками. Гибель же Саргона II во время предпринятого им против них в 705 г. до н.э. похода в Табал повлекла за собой ослабление позиций Ассирии и, как следствие, экономическое и политическое усиление позднехеттских царств, многие из которых стали быстро богатеть благодаря морской торговле с греками и финикийцами [11, с. 309].

С другой стороны, тот факт, что во время последующих ассирийских походов в регион кочевые народы и позднехеттские города-государства, как правило, совместно противостояли ассирийцам, свидетельствует о получении номадами какой-то доли от имевшего место на этой территории экономического подъема. Не исключено, что в этот период царь киммерийцев, фигурирующий в западных источниках как Лигдамис, а в восточных – как Дугдамми/Тугдамме, создал здесь государство кочевников [22, с. 114] и выступал в союзе с неохеттами против Ассирии либо воевал на их стороне в качестве наемника.

С учетом приведенных обстоятельств можно утверждать, что действия кочевников оказали в целом благоприятное влияние на положение позднехеттских государств, которым ослабление ассирийского доминирования в регионе открыло путь к приобщению к греко-финикийской торговле и тем самым к более высокому уровню экономического благосостояния.

ВЛИЯНИЕ КОЧЕВНИКОВ НА ФРИГИЙСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Индоевропейский народ фригийцев, мигриро-

вавший с Балкан, по-видимому, в последних веках II тыс. до н. э., создал в центральной и западной части Малой Азии государство со столицей в Гордионе, достигшее своего расцвета к VIII в. до н. э.

Отсутствие в письменных источниках прямых свидетельств о взаимоотношениях фригийцев с кочевыми народами диктует необходимость опоры главным образом на данные археологии. При этом следует иметь в виду, что, за исключением Гордиона, на сегодняшний день не проводилось других долговременных раскопок, проливающих достаточный свет на культуру и историю фригийцев, хотя немалое число оставленных ими памятников искусства и выявлено в различных областях Малой Азии. Впрочем, имеющийся археологический материал, относящийся к взаимоотношениям между фригийцами и кочевниками, также не вполне надежен. К примеру, считавшееся на протяжении длительного времени бесспорным предствление о том, что слой «ба» в Гордионе подвергся разрушению киммерийцами, поставлено под сомнение археометрическими исследованиями последних лет [24, с. 30].

С другой стороны, следы влияния кочевников довольно отчетливо обнаруживаются в изменениях в характере застройки во фригийских населенных пунктах. Известно, в частности, что, если изначально поселения земледельцев-фригийцев представляли собой небольшие села, то в обстановке хаоса и нестабильности, вызванной численным ростом в регионе киммерийского элемента, население стало концентрироваться в более крупных центрах, окруженных зачастую стенами; начиная же с первой половины VI в. до н.э. поселения фригийцев уже стали создаваться на возвышенностях и укрепляться мощными оборонительными сооружениями. В свою очередь появление таких укрепленных пунктов способствовало усилению роли и авторитета локальных фригийских правителей [10, с. 91]. Описанная трансформация может быть интерпретирована как подтверждение того, что киммерийские набеги, разрушив централизованные государственные структуры Фригии, вынудили ее население перейти к более раздробленной организации, состоявшей из мелких и средних «княжеств».

Несмотря на отмеченную выше недостаточность археологических данных для прояснения исторических аспектов взаимоотношений между Фригией и кочевниками, имеющиеся находки все же могут быть весьма информативны с точки зрения демонстрации масштаба культурного обмена между двумя обществами. Особую ценность в этом отношении представляют образцы фригийского искусства, несущие на себе явный отпечаток «звериного стиля» кочевников. Извлеченная из фригийских тумулусов близ Гордиона и условно квалифицируемая как «фригийский звериный стиль» [14, с. 58] серия памятников из дерева и слоновой кости, а также найденные при раскопках у села Яссыхоюк изображения охоты орла на зайца на кости, совме-

щающие элементы кочевнического «звериного» и типично фригийского стилей [19, с. 146], являются важнейшими артефактами, подтверждающими это влияние.

Нельзя не вспомнить также о высказанном в литературе мнении о том, что характерная для фригийской цивилизации тумулусная погребальная традиция связана с курганной культурой номадов евразийских степей и имеет с ней существенные сходства [16]. Во всяком случае останки двух лошадей, обнаруженные в одном из тумулусов близ Яссыхоюка, вызывают прямую ассоциацию с конскими жертвоприношениями в курганах Евразии [16, с. 248].

Таким образом, отмечаемые прежде всего в предметах искусства следы культурного взаимодействия служат неопровержимым доказательством факта влияния кочевников на фригийскую цивилизацию. Несмотря на отсутствие в распоряжении исследователей достаточных данных, позволяющих уверенно связать происходившую в известных фригийских центрах постепенную трансформацию структуры населенных пунктов с присутствием в регионе кочевнического элемента, на сегодняшний день, кроме вероятных атак номадов, неизвестно других факторов, которые могли бы побудить фригийцев к переходу от простых и незащищенных сельских поселений к хорошо укрепленным городицам. Можно также предполагать, что под давлением кочевнических групп централизованная организация фригийского государства была разрушена (пусть и при не вполне ясных обстоятельствах), а образовавшийся в результате этого вакуум власти заполнили локальные фригийские образования с также недостаточно известной в настоящее время структурой.

ВЛИЯНИЕ КОЧЕВНИКОВ НА ЛИДИЙСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ И ЭГЕЙСКИЕ ПОЛИСЫ

Лидийцы, еще один индоевропейский народ Малой Азии, создали в западной части региона сильное царство, достигшее наибольшего территориального расширения в VII–VI вв. до н. э.

Хотя в античных источниках содержатся сообщения о неоднократных осадах лидийской столицы Сарды киммерийцами и разграблении ими в ходе одной из них всего города, за исключением акрополя [1, с. 15; 7, с. 588], проведенные здесь раскопки пока выявили следы не более чем одного разрушения, произошедшего приблизительно в середине VII в. до н. э. При этом далеко не все слои разрушений в Сардах определенно продуцированы кочевыми племенами [5, с. 73–74].

Ассирийские источники, подтверждающие свидетельства о противоборстве между Лидией и киммерийцами, сообщают, что лидийцы, ранее бравшие верх в этой борьбе при поддержке Ассирии, вследствие прекращения поддержки потерпели около 652 или, по более новой и убедительной

трактовке, около 644 г. до н. э. поражение [4, с. 107–110], что косвенным образом демонстрирует степень достигнутого кочевниками в данный период во внутренней Малой Азии могущества.

Во многих частях Сард были обнаружены различные элементы конской сбруи и предметы искусства явно местного производства, испытавшие влияние «звериного стиля» [5, с. 86, 87], а также наконечники стрел скифского типа. Эти находки с очевидностью указывают на начавшийся процесс взаимовлияния между номадами и лидийцами.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на то, что лидийцы, как свидетельствуют античные источники, несомненно, подвергались – особенно на начальном этапе – атакам со стороны кочевников, в конечном счете активность последних в регионе оказалась на руку Лидии. Так, вызванные в значительной мере вторжениями киммерийцев и скифов падение Урарту на востоке, ослабление Ассирийской державы на юге и особенно упадок Фригии в центральной Малой Азии облегчили экспансию экономически окрепшего благодаря торговле с эгейскими греческими городами и золотодобыче Лидийского царства в восточном направлении, открыв ему выход на расположенные во внутренних областях полуострова рынки [17, с. 648–652]. Это обеспечило лидийцам единоличное господство на всем западе и частично в центре Малой Азии вплоть до прихода туда персов в середине VI в. до н. э.

Что касается греческих полисов эгейского побережья Малой Азии, то киммерийско-скифские миграции не оказали на них сколько-нибудь видимого влияния. Несмотря на наличие отдельных свидетельств этого рода в античных источниках и нескольких сомнительных с точки зрения датировки и происхождения археологических артефактов [4, с. 119–120; 5, с. 71–72], говорить о существенном прямом воздействии кочевников на население Ионии не приходится. Впрочем, через посредство усилившейся вследствие указанных миграций Лидии греки, несомненно, также могли получать доступ к новым рынкам сбыта своих товаров в глубине Малой Азии.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

Как политическое воздействие киммерийцев и скифов на малоазийские цивилизации, так и их влияние в области искусства весьма важны для понимания масштабов данного культурного взаимодействия. Присутствие признаков характерного для ираноязычных номадов Евразии «звериного стиля» на обнаруженных в Малой Азии, особенно во Фригии и Лидии, образцах искусства наводит на предположение о том, что эти предметы были или изготовлены перешедшими на оседлость мастерами из кочевнической среды, или же приобретены в рамках торговых отношений с ними. Помимо произведений, созданных киммерийско-скифскими ма-

стерами либо вдохновлявшимися их творчеством местными художниками, среди проявлений влияния кочевников на малоазийское искусство можно назвать также факт появления на крашеной керамике этого времени ранее не встречавшихся изображения лошадей и всадников [10, с. 91].

Пришлые кочевые народы оказали влияние не только на искусство древней Малой Азии, но и на местные военные технологии. В частности, втульчатые наконечники стрел, самые ранние образцы которых обнаружены в датированном второй половиной VII в. до н. э. слое при раскопках в Богазкёе (на месте хеттской столицы Хаттусы), появились в Малой Азии лишь с приходом киммерийцев и скифов. Такими стрелами было легко стрелять с лошади из рефлексивных составных луков, причем дальность полета была значительно больше, чем у традиционно применявшихся в Малой Азии стрел с тяжелыми наконечниками. Это преимущество киммерийских и скифских лучников, с одной стороны, делало их труднопобедимыми противниками для малоазийских народов, а с другой – стимулировало изменения в местной технике производства оружия; так, в регионе, особенно в его западной части, нередко попадаются втульчатые наконечники стрел местного производства. Можно предполагать, что, наряду с наконечниками, в Малой Азии изготавливались и рефлексивные луки, процесс производства которых гораздо более сложен и трудоемок, однако они могли не дойти до нашего времени ввиду того, что делались из органических материалов. Данный прогресс в стрельбе из лука следует рассматривать как результат влияния культуры кочевников на малоазийские военные технологии.

ВЫВОДЫ

Киммерийские и скифские миграции VIII–VI вв. до н. э. в Малую Азию наложили заметный отпечаток на политическую историю местных цивилизаций. В то же время очевидно, что данное воз-

действие носило зачастую разнонаправленный характер. Так, роль кочевников в политических процессах в Малой Азии выразилась в их способствовании разрушению урартского и фригийского государств и, напротив, усилению поздних хеттских царств и Лидии.

Влияние киммерийцев и скифов на малоазийские цивилизации не ограничивалось военно-политической сферой и проявилось также в искусстве, где определенное отражение получили мотивы так называемого «звериного стиля». В этой связи, однако, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на попытки квалификации ряда обнаруженных в регионе «гибридных» артефактов как «анатолийского звериного стиля», такие находки все еще слишком малочисленны и порой проблематичны с точки зрения датировки, чтобы позволить уверенно говорить о наличии подобного художественного направления.

Малоазийские общества эпохи железа, ставшие свидетелями значительного превосходства кочевников в искусстве стрельбы из лука, перенимали у киммерийцев и скифов технологии изготовления лука и стрел, усовершенствовав в результате собственное вооружение. Изменения происходили не только в технологиях, но и в способах и приемах ведения боевых действий. Высокое мастерство киммерийских и скифских конных лучников стало причиной их привлечения местными правителями на службу в качестве наемных воинов, что превратило кочевников во влиятельную военную силу, способную решать исход войн между государствами и народами и тем самым менять этнополитическую карту региона.

В целом несомненно, что мигрировавшие в Малую Азию киммерийцы и скифы стали здесь немаловажным фактором формирования региональной политической географии, трансформации местных общественно-политических и социально-экономических структур и развития искусства и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геродот. История. – Л.: Наука, 1972. 600 с.
2. Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // Российская археология. 1994. № 3. С. 23–48.
3. Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // Российская археология. 1994. № 1. С. 108–116.
4. Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. – М.: ИВИ РАН, 1996. 323 с.
5. Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. – М.: Палеограф, 2001. 324 с.
6. Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). – М.: Издательство восточной литературы, 1959. 344 с.
7. Страбон. География. – Л.: Наука, 1964. 943 с.
8. Çilingiroğlu A. Urartu Tarihi. – İzmir: EÜ EF Yayınları, 1994. 150 с.
9. Çilingiroğlu A. Urartu'da Toplu Nüfus Aktarımları // Anadolu Araştırmaları. IX. 1983. С. 311–317.
10. Dönmez Ş. Amasya Müzesi'nden Boya Bezekli İki Çanak İşçisinde Kızılırmak Kavsi Geç Demir ve Hellenistik Çağları Çanak-Çömleğine Yeni Bir Bakış // TÜBA Arkeoloji Dergisi. 2001. No 4. С. 89–96.
11. Gates M.H. Kinet Höyük in Eastern Cilicia: A Case Study for Acculturation in Ancient Harbors // OLBA. II (Özel Sayı). 1999. С. 303–312.
12. Hawkins J.D. The Neo-Hittite States in Syria and Anatolia // The Cambridge Ancient History. III/1. Ed. by J. Boardman et al. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. С. 372–441.
13. Ivantchik A. The Scythian 'Rule over Asia': The Classical Tradition and the Historical Reality // Ancient Greeks: West and East. Ed. by G.R. Tsetschladze. – Leiden: Brill, 1999. С. 497–520.
14. Kohler E.L. Phrygian Animal Style and Nomadic Art // Dark Ages and Nomads c. 1000 B.C. Studies in Iranian and Anatolian Archaeology. Ed. by M. Mellink. – Istanbul: Netherlands Institute for the Near East, 1964. С. 58–62.
15. Lanfranchi G.B. I Cimmeri: emergenza delle élites militari iraniche nel Vicino Oriente (VIII–VII sec. a. C.). – Padova: Sargon, 1990. 299 с.
16. Marsadlov L. The Cimmerian Traditions of the Gordion

Tumuli (Phrygia) Found in the Altai Barrows (Bashadar, Pazyryk) // *Kurgans, Ritual Sites and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age*. Ed. by J. Davis-Kimball et al. – Oxford: Archeopress, 2000. C. 247–258.

17. Mellink M. The Native Kingdoms of Anatolia // *The Cambridge Ancient History*. III/2. Ed. by J. Boardman et al. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. C. 619–665.

18. Olbrycht M.J. The Cimmerian Problem Re-examined: The Evidence of the Classical Sources // *Collectanea Celto-Asiatica Cracoviensia*. Ed. by J. Pstrusińska, A. Fear. Kraków: Księgarnia Akademicka, 1998. C. 71–99.

19. Prayon F. Phrygische Plastik: Die früheisenzeitliche Bildkunst Zentral-Anatoliens und ihre Beziehungen zu Grie-

chenland und zum Alten Orient. Tübingen: E. Wasmuth Verlag, 1987. 232 c.

20. Salvini M. *Urartu Tarihi ve Kültürü*. Çev. B. Aksoy. – İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 2006. 287 c.

21. Sevin V. *Urartu Devleti* // *Arkeo Atlas*. 2005. No 4. C. 62–94.

22. Tarhan M.T. *Eski Anadolu Tarihinde Kimmerler* // I. Araştırma Sonuçları Toplantısı Bildirileri. – Ankara: Eski Eserler ve Müzeler Genel Müdürlüğü, 1984. C. 109–120.

23. Tarhan M.T., Sevin V. *Van Bölgesinde Urartu Araştırmaları (I): Askeri ve Sivil Mimariye ait Yeni Gözlemler* // *Anadolu Araştırmaları*. IV–V. 1976–1977. C. 273–304.

24. Voight M.M. *Yassıhöyük ve Başkent Gordion* // *Arkeo Atlas*. 2006. No 5. C. 26–34.

THE INFLUENCE OF EURASIAN NOMADS' MIGRATIONS ON THE ANCIENT CIVILIZATIONS OF ASIA MINOR

G.V. Chochiev

PhD, Senior Researcher, Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences (georg-choch@yandex.ru)

Abstract. The article discusses the main areas and forms of the Eurasian steppe nomads' influence on the ancient states and societies of Asia Minor. The invasions and migrations of the nomads into the region in the VIII–VI BC left a significant mark on the political and military history of local civilizations and contributed to a certain evolution of their social and economic institutions and enrichment of their culture and art. Despite the scarcity of existing written sources, the archeological achievements in the region in recent years allow to increase our understanding of the nature and extent of this interaction.

Keywords: Asia Minor, ancient civilizations, nomads, migration, social and cultural influence.

REFERENCES

1. Геродот. *Istoriya*. Leningrad: Nauka, 1972. 600 p.
2. Grantovskii E.A. O khronologii prebyvaniya kimmeritsev i skifov v Perednei Azii // *Rossiiskaya arkheologiya*. 1994. № 3. P. 23–48.
3. D'yakonov I.M. *Kimmeriitsy i skify na Drevnem Vostoke* // *Rossiiskaya arkheologiya*. 1994. № 1. P. 108–116.
4. Ivanchik A.I. *Kimmeriitsy. Drevnevostochnye tsivilizatsii i stepnye kochevniki v VIII–VII vv. do n.e.* Moscow: IVI RAN, 1996. 323 p.
5. Ivanchik A.I. *Kimmeriitsy i skify*. Moscow: Paleograf, 2001. 324 p.
6. Piotrovskii B.B. *Vanskoe tsarstvo (Urartu)*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1959. 344 p.
7. Strabon. *Geografiya*. Leningrad: Nauka, 1964. 943 p.
8. Çilingiroğlu A. *Urartu Tarihi*. – İzmir: EÜ EF Yayınları, 1994. 150 p.
9. Çilingiroğlu A. *Urartu'da Toplu Nüfus Aktarımları* // *Anadolu Araştırmaları*. IX. 1983. P. 311–317.
10. Dönmez Ş. *Amasya Müzesi'nden Boya Bezekli İki Çanak İşçisinde Kızılırmak Kavsi Geç Demir ve Hellenistik Çağları Çanak-Çömleğine Yeni Bir Bakış* // *TÜBA Arkeoloji Dergisi*. 2001. No 4. P. 89–96.
11. Gates M.H. *Kinet Höyük in Eastern Cilicia: A Case Study for Acculturation in Ancient Harbors* // *OLBA*. II (Özel Sayı). 1999. P. 303–312.
12. Hawkins J.D. *The Neo-Hittite States in Syria and Anatolia* // *The Cambridge Ancient History*. III/1. Ed. by J. Boardman et al. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 372–441.
13. Ivantchik A. *The Scythian 'Rule over Asia': The Classical Tradition and the Historical Reality* // *Ancient Greeks: West and East*. Ed. by G.R. Tsetschladze. – Leiden: Brill, 1999. P. 497–520.
14. Kohler E.L. *Phrygian Animal Style and Nomadic Art* // *Dark Ages and Nomads c. 1000 B.C. Studies in Iranian and Anatolian Archaeology*. Ed. by M. Mellink. – İstanbul: Netherlands Institute for the Near East, 1964. P. 58–62.
15. Lanfranchi G.B. *I Cimmeri: emergenza delle élites militari iraniche nel Vicino Oriente (VIII–VII sec. a. C.)*. – Padova: Sargon, 1990. 299 p.
16. Marsadolov L. *The Cimmerian Traditions of the Gordion Tumuli (Phrygia) Found in the Altai Barrows (Bashadar, Pazyryk) // Kurgans, Ritual Sites and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age*. Ed. by J. Davis-Kimball et al. – Oxford: Archeopress, 2000. P. 247–258.
17. Mellink M. *The Native Kingdoms of Anatolia* // *The Cambridge Ancient History*. III/2. Ed. by J. Boardman et al. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 619–665.
18. Olbrycht M.J. *The Cimmerian Problem Re-examined: The Evidence of the Classical Sources* // *Collectanea Celto-Asiatica Cracoviensia*. Ed. by J. Pstrusińska, A. Fear. Kraków: Księgarnia Akademicka, 1998. P. 71–99.
19. Prayon F. *Phrygische Plastik: Die früheisenzeitliche Bildkunst Zentral-Anatoliens und ihre Beziehungen zu Griechenland und zum Alten Orient*. Tübingen: E. Wasmuth Verlag, 1987. 232 p.
20. Salvini M. *Urartu Tarihi ve Kültürü*. Çev. B. Aksoy. – İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 2006. 287 p.
21. Sevin V. *Urartu Devleti* // *Arkeo Atlas*. 2005. No 4. P. 62–94.
22. Tarhan M.T. *Eski Anadolu Tarihinde Kimmerler* // I. Araştırma Sonuçları Toplantısı Bildirileri. – Ankara: Eski Eserler ve Müzeler Genel Müdürlüğü, 1984. P. 109–120.
23. Tarhan M.T., Sevin V. *Van Bölgesinde Urartu Araştırmaları (I): Askeri ve Sivil Mimariye ait Yeni Gözlemler* // *Anadolu Araştırmaları*. IV–V. 1976–1977. P. 273–304.
24. Voight M.M. *Yassıhöyük ve Başkent Gordion* // *Arkeo Atlas*. 2006. No 5. P. 26–34.